J37
K2917
918

Россійская Коммунистическая Партія (большевиковъ).

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

К. Каутскій.

НАУКА, ЖИЗНЬ и ЭТИКА.

Цѣна 1 руб.

Переводъ съ нѣмецкаго
Вѣры Бончъ-Бруевичъ (Величкиной).

Издательство „КОММУНИСТЪ“.

Москва:
1) Срѣтенка, д. 8 (уг. Рыбникова п.).
2) Театральная пл., 2-й д. Совѣтовъ.

Петроградъ:
1) Поварской переул., 2, кв. 9, 10 и 11.
2) Литейный проспектъ, 48.

1918.

Книжный складъ „КОММУНИСТЪ“.

МОСКВА: 1) Сретенка, д. 8 (уг. Рыбникова переулка).
2) 2-й домъ Совѣтовъ (Театральная площадь).

ПЕТРОГРАДЪ: 1) Поварской пер., 2, кв. 9 и 10.
2) Литейный проспектъ, 48.

Сочиненія М. Горькаго.

	Цѣна:
Томъ десятый. Ч. I. Жизнь ненужнаго человѣка	2 р.— к.
Томъ десятый, Ч. II. Жизнь ненужнаго человѣка	3 » — »
Томъ одиннадцатый, Городокъ Окуровъ	2 » 50 »
Томъ двѣнадцатый. Матвѣй Кожемякинъ. Кн. I.	3 » — »
Томъ тринадцатый. Матвѣй Кожемякинъ. Кн. II.	3 » — »
Томъ четырнадцатый, Лѣто.	2 р. 25 к.
Томъ пятнадцатый, Мать. Кн. I и II.	по 3 » — »
Томъ шестнадцатый. Пожаръ	2 » 25 »
Томъ семнадцатый. Сказки.	2 » 25 »
Томъ восемнадцатый. Хозяинъ.—Три дня,	2 » 50 »
Томъ девятнадц. По Руси.	2 » 50 »
Томъ двадцатый. Дѣтство.	3 » — »

М. Горькій. О писателяхъ-самоучкахъ. Цѣна 40 коп.

Полное собраніе сочиненій С. Гусева-Оренбургскаго.

Томъ первый. Разсказы.	2 р.— к.
Томъ второй. Въ гостяхъ.	3 » — »
Томъ третій. Страна отцовъ	2 » — »
Томъ четвертый. Въ приходѣ	2 » — »
Томъ пятый. Золотой сонъ	2 » — »
Томъ шестой. Надъ поэмой.	2 » 50 »
Томъ седьмой. Дьяконъ и смерть.	3 » — »
Томъ восьмой. Недоумѣніе.	2 » — »
Томъ девятый. Мгла.	2 » — »
Томъ десятый. Курычанскіе прихожане	2 р.— к.
Томъ одиннадцатый. Враги.	2 » — »
Томъ двѣнадцатый. Въ глухомъ уѣздѣ.	2 » — »
Томъ тринадцатый. Люди.	2 » — »
Томъ четырнадцатый. Призракъ	2 » — »
Томъ пятнадцатый. Борьба.	5 » — »
Томъ шестнадц. Тишина	7 » — »
Томъ семнадцатый. Блудный сынъ	3 » — »

Полное собраніе сочиненій Семена Юшкевича.

Томъ первый. Распадъ.	2 р.— к.
Томъ второй. Ита Гайне.	3 » — »
Томъ третій. Евреи	4 » — »
Томъ четвертый. Наши сестры.	2 » — »
Томъ пятый. Прологъ	5 » — »
Томъ шестой. Невинные.	5 » — »
Томъ седьмой. Въ городѣ.	4 » 50 »
Томъ восьмой. Очерки дѣтства.	2 » — »
Томъ девят. Комедія брака	3 » — »
Томъ десятый. Драма въ домѣ	5 р. 25 к.
Томъ одиннадцатый. Вышла изъ круга	3 » — »
Томъ двѣнадцатый. Голуби.	4 » 25 »
Томъ тринадцатый. Леонъ Дрей. Ч. I.	2 » — »
Томъ четырнадцат. Леонъ Дрей. Ч. II.	2 » — »
Томъ пятнадцатый. Человѣкъ	6 » — »

Россійская Коммунистическая Партія (большевиковъ).

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

HB37
.K2917
1918

К. Каутскій.

НАУКА, ЖИЗНЬ и ЭТИКА.

LNAUKA, ZHIZN,
I ETIKA

Переводъ съ нѣмецкаго
Вѣры Бончъ-Бруевичъ (Величкиной).

Издательство „КОММУНИСТЪ“.

Москва:
1) Срѣтенка, д. 8 (уг. Рыбникова п.).
2) Театральная пл., 2-й д. Совѣтовъ.

Петроградъ:
1) Поварской переул., 2, кв. 9, 10 и 11.
2) Литейный проспектъ, 48.

1918.

Типографія Рос. Фед. Сов. Респ. (б. Синодальная).

I.

Статья товарища Бауэра объ этикѣ очень продуманна и послѣдовательна и содержитъ въ себѣ цѣлый рядъ очень цѣнныхъ и въ высшей степени симпатичныхъ мыслей. Она представляетъ собой также не опроверженіе, а скорѣе дополненіе моихъ взглядовъ. Но, несмотря на это и несмотря на полное единодушіе между нами въ самыхъ важныхъ конкретныхъ вопросахъ, я все-таки вижу себя вынужденнымъ возразить на его точку зрѣнія.

Товарищъ Бауэръ не касается научной стороны моей брошюры объ этикѣ, но разсматриваетъ только ея практическую сторону. Ко многимъ приведеннымъ мною фактамъ онъ относится очень скептически. Онъ говоритъ, что мое «пристрастіе низводить этическія явленія животной жизни не безопасно», такъ какъ человѣкъ любитъ создавать животныхъ по своему образцу.

Разумѣется, такая опасность существуетъ, когда начинаютъ сравнивать между собой проявленія животной и человѣческой жизни. Но подобное сравненіе неизбѣжно, чтобы понять развитіе человѣка; оно вытекаетъ вовсе не изъ какого-то капризнаго «пристрастія», и если съ этимъ методомъ связаны

нѣкоторыя «опасности», то это еще не доказываетъ, что отъ нихъ можно избавиться, воздерживаясь отъ подобныхъ сравненій и избѣгая изслѣдованій въ этой области; это говоритъ только за то, что опасности слишкомъ поспѣшныхъ выводовъ слѣдуетъ преодолѣвать самымъ тщательнымъ разслѣдованіемъ и критикой фактовъ.

Впрочемъ, я думаю, что отъ опасности увлечься недопустимымъ антропоморфизмомъ меня до нѣкоторой степени предохраняетъ марксистская школа, которую я прошелъ. Марксъ и Энгельсъ всегда придавали большое значеніе тому, чтобы при сравненіи двухъ явленій указывать не только на общіе имъ признаки, но также и на отличающіе ихъ другъ отъ друга, на то, что особенно характерно для каждаго изъ нихъ. И я въ моей брошюрѣ старался выдвигать не только тѣ стороны, которыя общи человѣку и животному, но также и тѣ, которыми они отличаются другъ отъ друга. Я отнюдь не чувствую большаго пристрастія къ однимъ, чѣмъ къ другимъ. Но зато всевозможные моралисты уже цѣлыя тысячелѣтія проявляютъ свое «пристрастіе» къ тому, чтобы считать человѣка въ этическомъ отношеніи какимъ-то сверхъестественнымъ существомъ, такъ что, руководясь этимъ «пристрастіемъ», они отрицали всякое сходство этическаго чувства между человѣкомъ и животнымъ и для доказательства односторонне выдвигали всѣ тѣ факты, которые отличаютъ чело-

вѣка отъ низшихъ животныхъ. Отсюда и происходитъ то, что еще и теперь гораздо труднѣе, но зато и гораздо нужнѣе отмѣтить всѣ тѣ этическія явленія, которыя общи человѣку съ низшими животными, чѣмъ тѣ, которыя отдѣляютъ его отъ нихъ. Благодаря этому, и гораздо больше «опасности» въ томъ, чтобы при сравненіи человѣка съ животнымъ не увидѣть въ этическомъ отношеніи бо́льшую пропасть, чѣмъ она существуетъ на самомъ дѣлѣ, а не наоборотъ. Но это только такъ, кстати. Главное возраженіе, которое выдвигаетъ противъ меня Бауэръ, не имѣетъ ничего общаго ни съ естественными науками, ни съ наукой вообще. Возраженіе это практическаго характера. Бауэръ приводитъ намъ примѣръ безработнаго бѣдняка, которому предложили сдѣлаться штрейкбрехеромъ. Онъ приходитъ къ Бауэру и въ отчаяніи спрашиваетъ его, что ему дѣлать. Оставить ли ему умирать съ голоду жену и дѣтей или повредить своимъ товарищамъ? Отто Бауэръ не находитъ ничего лучшаго, какъ угостить бѣднягу цѣлымъ рядомъ цитатъ изъ моей брошюры объ этикѣ, и нисколько неудивительно, что безработный, которому нуженъ практическій совѣтъ, а не чистая теорія, уходитъ отъ него неудовлетвореннымъ. Бауэръ же дѣлаетъ отсюда выводъ, что наука не въ состояніи «отвѣтить на этическій вопросъ жизни».

Все это очень хорошо изложено, но, къ несчастью для меня, безработный слишкомъ скоро

сбѣжалъ отъ бауэровскихъ лекцій. Бауэръ на этомъ основаніи думаетъ, что то, что не въ состояніи сдѣлать моя этика, возможно для этики Канта. Онъ воображаетъ, что если бы вмѣсто моей брошюры онъ прочелъ бѣднягѣ нѣсколько цитатъ изъ «Критики практическаго разума», то безработный нашелъ бы въ нихъ такъ страстно ожидаемый имъ отвѣтъ и понялъ бы, что ему дѣлать.

Я надѣюсь, что, когда товарища Бауэра снова посѣтитъ его другъ Х, онъ тотчасъ же начнетъ читать ему изъ Канта и вспомнитъ объ его категорическомъ императивѣ раньше, чѣмъ ищущій помощи товарищъ убѣжитъ отъ него. Мы тогда увидимъ, что онъ ему отвѣтитъ. Но такъ какъ у насъ пока нѣтъ практическаго опыта о дѣйствіи подобнаго чтенія, то намъ придется удовлетвориться теоретическими предположеніями.

Кантовскій «основной законъ чистаго практическаго разума» гласитъ такъ: «поступай такъ, чтобы максима твоей воли могла во всякое время служить принципомъ общаго законодательства».

Предположимъ, что это положеніе произведетъ такое глубокое впечатлѣніе на безработнаго, что онъ тотчасъ же рѣшитъ поступать въ соотвѣтствіи съ нимъ. Рѣшаетъ ли это, какъ ему поступить? Можетъ ли служить принципомъ «всеобщаго законодательства» оставить умирать съ голоду жену и дѣтей? А съ другой стороны, при всѣхъ ли обстоятель-

ствахъ является нравственной обязанностью не покидать своихъ товарищей? Безнравственно ли поступютъ тѣ русскіе солдаты, которые во время народнаго возстанія отдѣляются отъ своихъ товарищей и стрѣляютъ въ войска? Безнравственно ли поступаетъ фабрикантъ, который во время забастовки выступаетъ изъ союза фабрикантовъ и, вопреки имъ, удовлетворяетъ требованіямъ своихъ рабочихъ? Или врачъ, который во время забастовки врачей не можетъ пересилить себя и отказать въ помощи заболѣвшему рабочему?

Кантовскій категорическій императивъ, который долженъ быть безусловнымъ, общимъ правиломъ нашего поведенія, при внимательномъ разсмотрѣніи оказывается въ цѣломъ рядѣ случаевъ въ современномъ обществѣ невыполнимымъ и невозможнымъ, но не потому, что, какъ думаетъ Бауэръ, онъ имѣетъ только формальный характеръ, а потому, что онъ предполагаетъ опредѣленный общественный строй, такой строй, въ которомъ возможно общее законодательство, и законодательство это можетъ выполняться просто посредствомъ доброй воли отдѣльныхъ индивидуумовъ. Кантовскій «основной законъ чистаго практическаго разума» только тогда имѣетъ смыслъ, если въ обществѣ, въ которомъ мы живемъ, возможно «общее законодательство», то-есть безупречная система требованій къ индивидууму, и воля индивидуума свободна, то-есть отъ его только желанія зависитъ

выполнять эти требованія или нѣтъ. Кантъ свелъ противоположности въ обществѣ только къ противоположности внутри отдѣльнаго человѣка, къ противоположности между его общественностью и его необщественностью, къ «необщественной общественности человѣка», какъ онъ самъ выражается въ своей «Идеѣ всеобщей исторіи». Кантъ не имѣетъ никакого представленія о томъ, что общественныя противоположности вытекаютъ изъ факторовъ, возникающихъ и дѣйствующихъ независимо отъ желанія и сознанія отдѣльныхъ лицъ, что противоположности общества не являются только противоположностями индивидуумовъ, но также и противоположностями классовъ, что они вызываютъ не только постоянныя коллизіи между личнымъ интересомъ и интересомъ общимъ, но также и постоянныя коллизіи обязанностей по отношенію къ различнымъ общественнымъ группамъ, къ которымъ принадлежитъ индивидуумъ.

То положеніе, что при коллизіяхъ между интересомъ личнымъ и общимъ интересомъ послѣдній всегда выше и первый долженъ отступать передъ нимъ, является, разумѣется, основнымъ закономъ всякой морали, категорическимъ императивомъ, лежащимъ въ основѣ всѣхъ нравственныхъ правилъ и чувствъ, начиная отъ самыхъ низшихъ ступеней животнаго міра до самыхъ верховъ человѣчества. Если понимать кантовскій основной законъ чистаго практическаго разума въ такомъ смыслѣ, тогда мы,

разумѣется, будемъ согласны съ Кантомъ, по крайней мѣрѣ, въ результатахъ, но притомъ все-таки останется огромная разница въ методѣ, потому что мы выводимъ нашъ этическій основной законъ изъ наблюденія дѣйствительности, изъ опыта, изъ сущности всякаго общества и притомъ безъ различія между человѣкомъ и животнымъ. Кантъ же, напротивъ, такъ же, какъ и всѣ кантіанцы, будутъ ли они то, что Бауэръ называетъ вульгарными кантіанцами, или амыми утонченными сверхъ-кантіанцами, всѣ они ищутъ такой этическій основный законъ, принудительная сила котораго должна вытекать изъ того, что онъ стоитъ внѣ всякаго опыта, надъ нимъ, и претендуетъ на вѣчное значеніе для всѣхъ разумныхъ существъ,—у Канта даже для ангеловъ и святыхъ и самого Господа Бога, но отнюдь не для неразумныхъ животныхъ. Этотъ нравственный законъ созданъ изъ ничего, изъ анализа чистаго практическаго разума, существовавшаго до всякаго опыта, и именно въ этой-то чистотѣ, въ этой незапятнанности его всякимъ земнымъ опытомъ Кантъ и его послѣдователи и видятъ ручательство за его вѣчность и за его принудительную силу.

Итакъ, даже если мы предположимъ, что содержаніе этическаго основного закона и тутъ и тамъ одинаково, то уже одной этой противоположностью методовъ наша и кантовская этика отличаются другъ отъ друга, какъ огонь отъ воды. Но ихъ несоеди-

нимость проявляется еще болѣе тогда, когда въ основномъ законѣ хотятъ видѣть нѣчто большее, чѣмъ просто общее мѣсто, и расчленяютъ понятіе общества, которое практически лежитъ въ основѣ обоихъ этихъ взглядовъ, хотя у Канта это и несознательно и непослѣдовательно.

Кантъ знаетъ собственно только индивидуума и человѣчество. Отдѣльныя общества для него—просто группы индивидуумовъ, которыя могутъ взаимно вредить или помогать другъ другу, но изъ которыхъ каждый въ сущности предоставленъ самому себѣ. Очень характерно Кантъ, напримѣръ, въ своей «Идеѣ всеобщей исторіи» сравниваетъ человѣческое общество съ лѣсомъ, «деревья котораго, именно благодаря тому, что каждое пытается захватить у другого солнце и воздухъ, вынуждаютъ другъ друга искать ихъ надъ собой, и такимъ образомъ они высоко и стройно растутъ вверхъ». Въ лѣсу всѣ индивидуумы выполняютъ одинаковыя функціи; они находятся въ тѣсномъ взаимодѣйствіи, могутъ отнимать другъ у друга солнце и свѣтъ, но также и охраняютъ другъ друга, защищая отъ ярости бурь. Но такъ какъ всѣ индивидуумы дѣйствуютъ одинаково, такъ какъ между ними нѣтъ раздѣленія труда, то и число деревьевъ, составляющихъ лѣсъ, неограничено. Это число зависитъ только отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, ихъ можетъ быть сотни или милліоны, они могутъ занимать одинъ гектаръ или цѣлый континентъ. Отличія

человѣческаго общества отъ лѣса Кантъ видитъ только въ томъ, что люди имѣютъ свободную волю, что ихъ взаимодѣйствіе зависитъ отъ ихъ намѣреній, отъ ихъ доброй или злой воли.

Кантъ не имѣлъ никакого представленія о томъ, что человѣческое общество есть нѣчто большее, чѣмъ просто группа живущихъ вмѣстѣ индивидуумовъ, что человѣческое общество есть организмъ, клѣтки котораго, индивидуумы, не только оказываютъ взаимное вліяніе другъ на друга, но, благодаря раздѣленію труда между собой, имѣютъ и опредѣленныя формы этого вліянія, зависящія не отъ его доброй или злой воли, но отъ характера производительныхъ силъ. Различныя общества отличаются другъ отъ друга, смотря по виду раздѣленія труда, и величина каждаго отдѣльнаго общественнаго организма связана опредѣленными границами; но это раздѣленіе труда создаетъ также и множество разнообразныхъ органовъ общественнаго организма,— болѣе мелкія организаціи внутри общества, а именно, организаціи мѣстнаго и профессіональнаго характера. Эти органы находятся въ самой тѣсной зависимости другъ отъ друга, дѣйствуютъ всегда совмѣстно, но въ буржуазномъ обществѣ между ними существуетъ огромная противоположность интересовъ. Всѣмъ этимъ опредѣляются желанія и дѣйствія индивидуумовъ. Но каждый индивидуумъ въ высоко-развитомъ человѣческомъ обществѣ принадлежитъ не только къ одному

изъ его органовъ, но къ нѣсколькимъ. И этимъ, а также и во многихъ другихъ отношеніяхъ организмъ общества отличается отъ животнаго или растительнаго организма. Чѣмъ больше развивается буржуазное общество, тѣмъ болѣе затемняются обязанности индивидуума по отношенію къ обществу въ цѣломъ; и вслѣдствіе обязанностей индивидуума къ отдѣльнымъ органамъ общества, коллизій между интересами индивидуума и интересами всего общества, присоединяется еще и возможность коллизій между интересами отдѣльныхъ организацій, составляющихъ общественные органы. Коллизіи этого рода порождаютъ вопросы совѣсти, которые становятся въ высшей степени мучительны для индивидуума и на которые онъ не находитъ отвѣта; но меньше всего ему можетъ отвѣтить на это кантовскій категорическій императивъ, такъ какъ Кантъ совершенно проходитъ и, согласно своему методу, долженъ пройти безъ вниманія всевозможныя соціальныя противоположности, которыяпо необходимости обусловливаются экономическими отношеніями. Гдѣ только является противоположность между интересомъ индивидуума и интересомъ общества, тамъ отвѣтъ обыкновенно очень простъ. Кантъ то же говоритъ въ своей «Критикѣ практическаго разума»:

«Какая форма максимы годится для всеобщаго законодательства и какая нѣтъ,—это можетъ рѣшить безъ всякихъ указаній самый простой умъ».

Правда, примѣръ, который приводитъ нашъ философъ, не очень удаченъ. Онъ говоритъ дальше такъ: «Напримѣръ, я поставилъ своей максимой всѣми надежными средствами увеличить мое состояніе. Но вотъ въ моихъ рукахъ оказался денежный вкладъ, владѣлецъ котораго умеръ, не оставивъ никакой расписки. Само собой разумѣется, что это очень удобный случай для моей максимы. Теперь я хочу знать, можетъ ли эта максима служить общимъ практическимъ закономъ. Я обращаюсь къ данному случаю и спрашиваю, можетъ ли онъ принять форму общаго закона, такъ какъ посредствомъ своей максимы я могу дать именно такой общій законъ: чтобы каждый утаивалъ отданный ему на храненіе денежный вкладъ, собственность котораго никто не можетъ доказать. Я тотчасъ же замѣчу, что такой законъ, какъ принципъ, уничтожилъ бы самого себя, потому что онъ привелъ бы къ тому, что никто не сталъ бы дѣлать вкладовъ» («Критика практическаго разума». Изданіе Кирхмана 1869 года, стр. 30, 31). Это единственный примѣръ, который Кантъ приводитъ въ доказательство простоты и несомнѣнности своего нравственнаго закона, и этотъ единственный примѣръ, предполагающій необыкновенно простой фактъ, невѣренъ. Практическій разумъ кенигсбергскаго мудреца былъ такъ мало практиченъ, что не могъ сообразить того, что возведеніе такой максимы въ общій законъ приведетъ совсѣмъ не къ тому,

«что не будутъ дѣлать больше вкладовъ»; это сдѣлаетъ только то, что каждый сколько-нибудь одаренный практическимъ разумомъ не будетъ дѣлать вкладовъ, не получивъ расписки. Обыкновенно тѣ, кто дѣлаетъ вклады, и поступаютъ именно такъ, какъ будто бы эта максима уже была общимъ закономъ.

По кантовскому же нравственному закону чистаго практическаго разума, растрата денегъ, отданныхъ по довѣрію, безъ всякой расписки, еще долго не будетъ считаться безнравственнымъ поступкомъ.

Если все-таки подобный поступокъ считается всѣми безнравственнымъ и всѣми осуждается, то это происходитъ оттого, что такая растрата является нарушеніемъ довѣрія, отступленіемъ отъ тѣхъ соціальныхъ добродѣтелей, безъ которыхъ не можетъ существовать никакое общество. Поэтому зародыши такихъ соціальныхъ добродѣтелей мы видимъ уже въ животномъ обществѣ, они сдѣлались въ насъ такимъ могучимъ инстинктомъ, что въ каждомъ данномъ случаѣ, напримѣръ, въ случаѣ съ денежнымъ вкладомъ, мы безъ всякихъ разсужденій, самымъ рѣшительнымъ образомъ требуемъ отъ насъ и нашихъ товарищей уваженія ихъ даже тогда, когда мы совсѣмъ не имѣемъ въ виду попасть сами въ такое положеніе, отдавать или получать на храненіе денежные вклады, и если даже намъ совершенно безразлично, существуютъ ли вообще и могутъ ли существовать денежные вклады или нѣтъ.

Но поскольку мы не можемъ соглашаться съ кантовскимъ обоснованіемъ безнравственности растраты денегъ, постольку мы съ нимъ вполнѣ согласны въ томъ, что въ данномъ случаѣ, который онъ приводитъ, рѣшительно всѣ, безъ всякихъ затрудненій и безъ долгихъ размышленій, выскажутъ одинаковый нравственный приговоръ.

Но совершенно иначе обстоитъ дѣло съ тѣмъ случаемъ, который приводитъ Бауэръ. Онъ, конечно, думаетъ, что и здѣсь рѣчь идетъ о противоположности личнаго и общественнаго интереса, и впадаетъ при этомъ въ удивительную ошибку. Его случай сильно осложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ немъ совершенно исключенъ всякій личный интересъ. Его другъ X приходитъ въ отчаяніе, потому что онъ видитъ передъ собой ужасную альтернативу: нарушить свои обязанности по отношенію къ женѣ и дѣтямъ или по отношенію къ своимъ товарищамъ. Бауэръ, къ удивленію, причисляетъ первую обязанность къ проявленіямъ эгоизма, личнаго его интереса. Но какую же пользу принесетъ намъ кантовское «всеобщее законодательство» при такомъ конфликтѣ нравственныхъ обязанностей?

Разумѣется, и моя этика не даетъ никакого шаблона, по которому можно было бы безъ дальнихъ разсужденій, благопріятно разрѣшить подобный конфликтъ; но кто знакомъ съ марксистскимъ ученіемъ, тотъ скорѣе всѣхъ найдетъ путь справиться

съ нимъ. Если бы товарищъ Бауэръ, вмѣсто того, чтобы читать своему сомнѣвающемуся другу цитаты изъ моей книги, не имѣющія ничего общаго съ его дѣломъ, прислалъ бы его ко мнѣ, то я, марксистъ, для котораго ничто не является абсолютнымъ, а все относительно, вмѣсто того чтобы искать формулы нравственнаго обязательства, прежде всего попытался бы разслѣдовать, какъ собственно обстоитъ дѣло, изъ какихъ особенныхъ условій вытекаетъ оно.

Такъ какъ другъ X имѣетъ такое сильно развитое сознаніе, то нужно предположить, что онъ принадлежитъ къ какой-нибудь профессіональной организаціи. Откуда же тогда такое бѣдственное положеніе? Оно можетъ быть результатомъ только какого-нибудь исключительнаго несчастія, но въ такомъ положеніи, когда у него остается только выборъ между нарушеніемъ стачки или разореніемъ своей семьи, онъ съ своей стороны имѣетъ полное право тоже апеллировать къ солидарности: общественнымъ обязанностямъ соотвѣтствуютъ и общественныя права. Гораздо лучше потребовать помощи отъ организаціи своихъ лучше устроенныхъ товарищей, чтобы пережить тяжелое время, чѣмъ нарушить стачку.

Но если и товарищи X почти всѣ въ подобномъ же бѣдственномъ положеніи, какъ онъ самъ, если стачка истощила уже всѣ ихъ силы и жены и дѣти ихъ уже голодаютъ, — тогда возникаетъ вопросъ,

цѣлесообразно ли продолжать стачку дольше, не долженъ ли X позаботиться о томъ, чтобы прекратить ее. Вопросъ же этотъ рѣшается опять не категорическимъ, чисто формальнымъ императивомъ, но только серьезно взвѣсивъ значеніе объекта борьбы и ея жертвъ.

Никто не потребуетъ, чтобы рабочіе вели къ гибели свои семьи изъ-за того только, чтобы избавиться отъ какого-нибудь грубаго мастера или изъ-за того, чтобы удлинить на десять минутъ перерывъ для завтрака.

Но, разумѣется, бываютъ случаи, когда объектъ борьбы настолько великъ, что нужно рискнуть рѣшительно всѣмъ, не только своей собственной жизнью, но даже и жизнью своей жены и ребенка, какъ, напримѣръ, въ стачкѣ политической, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы свергнуть систему насилія, опустошающаго всю страну и угнетающаго ея обитателей. Но въ такомъ случаѣ необходимыя для борьбы одушевленіе и рѣшимость, конечно, не пріобрѣтаются какимъ-либо анализомъ чистаго практическаго разума; ихъ даетъ только сама борьба и сознаніе важности ея цѣлей и непреодолимости ея средствъ. Тогда этическая ясность и рѣшительность вытекаютъ изъ наук и прежде всего изъ жизни, а отнюдь не изъ област такой этики, которая должна стоять внѣ и выш науки и жизни.

Но если въ нашемъ полномъ противорѣчія об-

ществѣ и возникаютъ такіе запутанные конфликты обязанностей, что вытекающихъ изъ жизни этическихъ силъ и дающагося наукой сознанія недостаточно, чтобы разрѣшить конфликтъ, тогда прежде всего оказывается безсильнымъ и кантовскій голый формализмъ, который потерпѣлъ крушеніе даже въ такомъ простомъ, имъ самимъ выбранномъ случаѣ съ денежнымъ вкладомъ.

II.

На ряду съ этически чувствительнымъ другомъ X, попавшимъ въ лабиринтъ конфликтовъ между обязанностями, изъ котораго его выведетъ, какъ предполагается, категорическій императивъ, тогда какъ марксистская этика не можетъ дать ему отвѣта,—товарищъ Бауэръ представляетъ намъ и этическаго скептика, который въ относительности марксистской этики видитъ обоснованіе своего скептицизма, между тѣмъ какъ кантовскій императивъ дѣлаетъ этотъ скептицизмъ невозможнымъ:

«Когда намъ приходится сталкиваться съ скептицизмомъ, который изъ признанія того факта, что матерія нравственной воли измѣнчива, что никакихъ опредѣленныхъ заповѣдей никогда и нигдѣ не существуетъ, что никакая опредѣленная этика не является абсолютной, *слишкомъ поспѣшно* заключаетъ, что не стбитъ, слѣдовательно, вообще сравни-

вать максимы и предписанія однихъ считать императивами, предписанія же другихъ — простыми максимами,—тогда критика Канта показываетъ намъ, чѣмъ отличается конкретный этическій императивъ отъ простой максимы: а именно, приспособленностью къ общему законодательству».

Если какой-нибудь скептикъ *слишкомъ поспѣшно* превращаетъ правильную мысль въ нелѣпость, то это еще далеко не доказываетъ того, что эта мысль невѣрна. Если бы этотъ скептикъ, вмѣсто того чтобы слишкомъ поспѣшно бѣжать къ Канту, захотѣлъ получить правильное понятіе о марксистской этикѣ, то онъ нашелъ бы въ ней не одно только признаніе того факта, что никакая опредѣленная этика не является абсолютной, что этическія правила измѣнчивы, но также и признаніе того, что для *опредѣленнаго* времени, общества, класса необходимы и *опредѣленныя* этическія правила; что этика отнюдь не является чѣмъ-то условнымъ, чѣмъ-то такимъ, что каждый можетъ измышлять на свой ладъ, но что она опредѣляется такими силами, которыя сильнѣе индивидуума, которыя стоятъ надъ ними. Какимъ образомъ изъ признанія необходимости можетъ произойти скептицизмъ?

Однако Бауэръ производитъ его изъ нея. Онъ говоритъ такъ:

«Для господствующихъ и имущихъ классовъ, точно такъ же, какъ и для пролетаріата, нравствен-

ныя правила вытекаютъ изъ ихъ классоваго положенія; принадлежность индивидуума къ какому-нибудь классу съ безусловной необходимостью сообщаетъ ему и программу дѣйствій: матеріалистическое пониманіе исторіи даетъ намъ возможность понять всѣ эти противорѣчивыя максимы въ ихъ необходимости. Но такое міровоззрѣніе должно также необходимо кончиться этическимъ скептицизомъ, необходимо должно считать этику буржуазіи (само собою разумѣется, — буржуазіи на высшей ступени капиталистическаго развитія, а не буржуазіи 1789 года!) настолько же цѣнной, настолько же имѣющей право на существованіе, какъ и этику пролетаріата; оно должно поставить на одну доску максиму штрейкбрехера съ максимой русскаго пролетарія, отдающаго жизнь на борьбу своего класса; оно должно равно смотрѣть на интеллигента, продающаго господствующимъ классамъ свои убѣжденія за іудину плату, и на человѣка, отдающаго всего себя въ распоряженіе борющагося за свое освобожденіе рабочаго класса. Иначе оно должно ограничить себя мыслью, что хотя наука и даетъ возможность понять поступки всѣхъ этихъ элементовъ въ ихъ необходимости, но что только критерій приспособленности ко всеобщему законодательству даетъ намъ возможность различно оцѣнивать равно необходимые поступки, отвергать заманчивыя максимы однихъ и слѣдовать категорическому императиву другихъ».

Здѣсь нашъ другъ Бауэръ, въ другихъ случаяхъ такой проницательный, страннымъ образомъ смѣшиваетъ два совершенно различныя между собою явленія: *поступки* отдѣльныхъ лицъ и *воззрѣнія* цѣлыхъ классовъ.

Что касается первыхъ, то матеріалистическое пониманіе исторіи не всегда даетъ намъ возможность угадать необходимость каждаго отдѣльнаго, индивидуальнаго поступка, хотя оно и признаетъ эту необходимость. Но оно даетъ намъ возможность узнать и признать необходимость нравственной оцѣнки для каждаго отдѣльнаго поступка. Оно даетъ намъ возможность понять изъ самой сущности общества, порождающей общественныя побужденія и общественныя добродѣтели, что измѣна обществу ради личной выгоды всегда клеймится какъ безнравственный поступокъ, а самопожертвованіе ради общества всегда считается благороднымъ дѣяніемъ. Но матеріалистическое пониманіе исторіи позволяетъ намъ также угадать и необходимость тѣхъ измѣненій, которыя измѣняющіяся общественныя условія, и именно классовыя противорѣчія, вызываютъ во всѣхъ нравственныхъ воззрѣніяхъ и въ разныя времена порождаютъ свои собственныя нравственныя правила. Можетъ ли быть болѣе прочное основаніе нравственной оцѣнки, какъ доказательство ея необходимости?

Что же намъ даетъ, напротивъ, тощій кантов-

скій императивъ? «Критерій приспособленности къ общему законодательству», который могъ бы дать скептику Отто Бауэра удобный случай безконечно разсуждать по поводу каждаго поступка, соотвѣтствуетъ ли онъ этому критерію или нѣтъ; и это тѣмъ легче сдѣлать, чѣмъ болѣе дѣйствительное общество исключаетъ всякое общее законодательство. Бауэровскому скептику не трудно додуматься до того, что стачка и классовая борьба несоединимы со всеобщимъ законодательствомъ и, слѣдовательно, безнравственны. Совершенно отличной отъ нравственной оцѣнки отдѣльныхъ поступковъ является нравственная оцѣнка нравственныхъ воззрѣній, то-есть нравственная оцѣнка этики какой-нибудь опредѣленной общественной формы или класса. Дѣло здѣсь идетъ не объ оцѣнкѣ поступковъ отдѣльныхъ членовъ различныхъ классовъ или общественныхъ формъ, но о свойственныхъ этимъ классамъ и обществамъ взглядахъ на права и обязанности, на нравственно доброе и злое.

Возможна ли вообще подобная нравственная оцѣнка? Разумѣется, можно установить, внутри какого класса или общества сильнѣе развиты примитивныя соціальныя побужденія и добродѣтели. Постольку одно можетъ быть нравственнѣе другого. Но можно ли, кромѣ того, найти также и масштабъ, чтобы измѣрить, больше или меньше нравственны опредѣленныя этическія воззрѣнія даннаго времени,

данной страны, даннаго класса опредѣленныхъ нравственныхъ воззрѣній другихъ временъ, классовъ и странъ?

Но объ этомъ-то и идетъ дѣло, если согласиться съ Бауэромъ, что необходимо обратить скептиковъ къ соціализму тѣмъ, чтобы съ помощью Канта показать имъ высшія права пролетарской этики сравнительно съ этикой буржуазной. Нужно замѣтить, что вопросъ здѣсь не въ относительныхъ, вытекающихъ изъ условій времени правахъ, но объ абсолютныхъ, безусловныхъ, независимыхъ отъ мѣста и времени правахъ и превосходствѣ.

Этика есть ученіе объ общественныхъ обязанностяхъ индивидуума.

Какъ же возможно мѣрить той же мѣрой опредѣленную общественную форму и ея опредѣленную этику, какой мѣряются поступки отдѣльнаго члена общества? Чтобы придти къ этому, намъ придется предположить, что надъ различными общественными формами точно такъ же стоитъ высшая сила, по отношенію къ которой у нихъ есть обязательства, какъ и общество стоитъ надъ индивидуумомъ. И дѣйствительно, категорическій императивъ у Канта, по необходимости, связанъ съ идеей Бога. Дѣло не обстоитъ лучше и у ново-кантіанцевъ, которые на мѣсто христіанскаго Бога поставили богиню вѣчнаго, чистаго разу ма,—разума, не вытекающаго изъ природы и обще ства, но стоящаго выше при-

роды и общества. Идея такой неземной, выше всякаго опыта стоящей силы неизбѣжна, если стремиться отыскать абсолютную, стоящую выше общества нравственность.

Но пути Божіи неисповѣдимы, и таковы же, повидимому, и пути чистаго разума, потому что на вопросъ, какая этика выше—этика буржуазіи или пролетаріата, мы отнюдь не получимъ единодушнаго отвѣта изъ среды кантіанцевъ: мы встрѣтимъ среди нихъ самые различные взгляды на это, но консерваторовъ и либераловъ въ ихъ средѣ гораздо больше, чѣмъ соціалистовъ. Слѣдовательно, категорическій императивъ отнюдь не приведетъ нашего скептика, по необходимости, къ соціализму. Какая этика будетъ цѣниться выше—этика ли буржуазіи или пролетаріата, это зависитъ, если стоять на точкѣ зрѣнія категорическаго императива, отъ того, какого рода предполагается «всеобщее законодательство». Одинъ считаетъ формы, созданныя буржуазнымъ обществомъ, единственными, въ которыхъ возможно «всеобщее законодательство»; въ такомъ случаѣ онъ, какъ и кантіанецъ, увидитъ въ буржуазной этикѣ воплощеніе болѣе высокой нравственности сравнительно съ пролетарской. Въ такомъ случаѣ онъ можетъ придти, напримѣръ, къ такому взгляду, что «всеобщее законодательство» нуждается въ полнѣйшей свободѣ индивидуума и несоединимо съ пролетарскимъ «терроризмомъ».

Если же кто, напротивъ, придетъ къ тому убѣжденію, что соціалистическій способъ производства становится все болѣе необходимымъ и возможнымъ, тотъ также легко найдетъ, что критерій приспособленности ко всеобщему законодательству очень хорошо примѣнимъ къ нему; онъ отдастъ тогда пальму первенства пролетарской этикѣ.

Смотря по тѣмъ взглядамъ, какіе усвоилъ себѣ кантіанецъ о механизмѣ общества и общественной роли буржуазіи и пролетаріата, онъ и выскажется за этику первой или послѣдняго. И для кантіанца не категорическій императивъ рѣшаетъ въ сомнительномъ случаѣ, на какую сторону ему стать, а его экономическіе взгляды и экономическія перспективы. Категорическій императивъ говоритъ неясно и неопредѣленно, экономическія же перспективы, наоборотъ, очень ясно и рѣшительно. Поэтому и у кантіанцевъ, несмотря на ихъ категорическій императивъ, существуютъ такія разнообразные взгляды насчетъ пролетарской и буржуазной этики, что всякій этическій скептикъ только посмѣется надъ этимъ. Наоборотъ, марксисты, несмотря на свою относительную этику, всѣ сплотились кругомъ пролетаріата и его этики, потому что они защищаютъ опредѣленные экономическіе взгляды; и тѣ кантіанцы, которые въ то же время и соціалисты, обязаны своими соціалистическими убѣжденіями,— поскольку они ихъ восприняли изъ книгъ, а не

изъ жизни,—конечно, тому, чтб они прочли у Маркса, *а не тому, чему* они научились у Канта.

III.

Подобно прочимъ кантіанцамъ, Бауэръ тоже ищетъ абсолютнаго масштаба всей нравственности, ищетъ постояннаго въ потокѣ явленій, — такого масштаба, который вытекалъ бы не изъ измѣнчивыхъ условій жизни и не изъ его научнаго познанія, но изъ третьей области, стоящей выше жизни и науки.

Эта область—чистое ничто—должна создавать больше, чѣмъ могутъ создать жизнь и наука; она должна давать самое могучее и самое неизмѣнное руководство для всѣхъ нашихъ обязанностей и желаній.

Но сколько бы наши новокантіанцы ни отрекались отъ «вульгарнаго кантіанизма», который изъ этой третьей области создаетъ потусторонній міръ, въ родѣ христіанскаго неба,—все-таки тенденція, стремленіе къ мистицизму всегда лежатъ уже въ самомъ допущеніи подобной области, даже если ее просто сводятъ на особенную точку зрѣнія, съ которой должны разсматриваться предметы.

Лидеръ «невульгарныхъ» ново-кантіанцевъ, Когенъ, пишетъ въ своемъ послѣднемъ произведеніи, «Этика чистой воли», напримѣръ, слѣдующее:

«Люди—не тѣла природы» (стр. 15).

«Только невѣжество и необразованность могутъ подозрительно относиться къ религіи со всѣми ея нравственными источниками и богатствами и надѣяться сдѣлать ее излишней; чѣмъ же въ такомъ случаѣ думаютъ ее замѣнить, если иногда даже отъ философіи отрекаются, какъ отъ метафизики?» (стр. 53).

«Истинный Богъ есть основа нравственности: онъ требуетъ ее, и это требованіе составляетъ самую сущность его» (стр. 83).

«Религія, какъ совокупность и какъ община, никогда не можетъ обойтись безъ государства, въ которомъ должна быть испробована цѣлесообразность и истинность религіозной нравственности» (стр. 360).

А затѣмъ относительно свободы:

«Душа есть *самопроизвольное движеніе;* это значитъ, что *движеніе души имѣетъ свое начало въ самомъ себѣ,* то-есть она чиста, какъ чистое мышленіе. Но чистое мышленіе не исчерпываетъ ни понятія души, ни понятія сознанія. Итакъ, душа есть тоже воля. А воля есть тоже движеніе. И это душевное движеніе есть самопроизвольное движеніе и должно имѣть свое начало въ самомъ себѣ» (стр. 126).

«Ошибка, оставшаяся у Канта въ понятіи объ автономіи, состоитъ въ томъ, что понятіе «*Я*» тутъ

уже дано, какъ-будто оно существуетъ, и заранѣе предполагается, что ему остается только выяснить и доказать свое проявленіе въ нравственныхъ дѣяніяхъ. Это—ошибка въ методѣ. Само «*Я*» отнюдь не существуетъ ни въ какомъ идеальномъ видѣ прежде, чѣмъ оно проявляется, и ему необходимо не только проявиться, но *оно должно прежде создать самого себя*. А создать себя оно можетъ только въ законодательствѣ. Въ законодательствѣ и въ силу его возникаютъ поступки. Они составляютъ прогрессъ, который мы теперь развиваемъ. Поступки уже не являются только развитіемъ «*Я*»; оно обусловливается законодательствомъ, которое является законодательствомъ *самого* «*Я*», такъ что и *само* «*Я*» обусловливается законодательствомъ. Слѣдовательно, *самопроизвольное законодательство* не является законодательствомъ *изъ самого* «*Я*», но *къ самому* «*Я*» (стр. 321).

Мистика «вульгарнаго» кантіанизма имѣетъ, по крайней мѣрѣ, то преимущество передъ когеновской, что она проще.

Но, несмотря на всю смѣлость логики, никакъ не удастся совершенно выдѣлить нравственный законъ изъ области опыта и сдѣлать его чисто формальнымъ. Какъ бы ни вертѣлись Кантъ и его послѣдователи, они все-таки не обойдутъ того, что въ нравственномъ законѣ рѣчь идетъ не объ общей формулѣ, но о формулѣ для одного, ограниченнаго

опытомъ частичнаго явленія міра, а именно, общества, и что эта формула не можетъ быть составлена безъ познанія, основаннаго на опытѣ.

Даже если мы выдѣлимъ человѣка, какъ существо разумное, изъ всей природы и перенесемъ его въ иной міръ, то изъ этого еще нельзя вывести никакого нравственнаго закона. Чтобы достигнуть этого, нужно предположить, что разумныя существа находятся въ опредѣленной зависимости другъ отъ друга, имѣютъ опредѣленныя, выработанныя опытомъ потребности, что они пользуются своимъ разумомъ для удовлетворенія этихъ потребностей и при этомъ могутъ помогать или вредить другъ-другу. Безъ всѣхъ этихъ, отнюдь не чисто духовныхъ предпосылокъ, нравственный законъ будетъ безпредметнымъ, безсмысленнымъ. Категорическій императивъ предполагаетъ, наконецъ, совершенно особенную потребность, что люди должны только помогать другъ другу, а не вредить, что въ свою очередь предполагаетъ и особенную общественную формацію, въ которой отъ доброй воли индивидуумовъ зависитъ помогать или вредить другъ другу,—такое общество, гдѣ нѣтъ никакихъ экономическихъ противоположностей, необходимо вызывающихъ борьбу, въ которой отдѣльные лица и классы должны стараться о томъ, чтобы повредить другъ другу.

Вытекающая изъ всѣхъ этихъ предпосылокъ этика Канта ограничивается въ своей основѣ однимъ

единственнымъ только положеніемъ категорическаго императива. Она должна этимъ ограничиваться, потому что иначе слишкомъ ясно выступила бы «нечистота» ея формальнаго характера, ея смѣшеніе съ частными данными опыта. И это одно положеніе въ высшей степени неопредѣленно и неясно. Всѣмъ этимъ оно сильно отличается отъ математики, съ которой его сравнивали.

Только въ одномъ пунктѣ можно сравнить кантовскій методъ этики съ математикой: онъ необыкновенно обостряетъ умъ. Но это свойство присуще всякой трудной задачѣ, разрѣшима она или нѣтъ. И исканіе философскаго камня тоже обостряло умъ и влекло за собой много цѣнныхъ открытій и методовъ изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе это исканіе было ложнымъ путемъ. Кантовскій же нравственный законъ есть не что иное, какъ философскій камень, волшебная формула абсолютнаго цѣлительнаго средства, перенесеннаго изъ области химіи въ область этики.

Однако мы этимъ отнюдь не объявляемъ безсмысленнымъ исканіе цѣли всѣхъ цѣлей, конечно, и общей цѣли, которой служатъ всѣ намѣчаемыя нами частныя цѣли и которая опредѣляетъ все, чего мы хотимъ и что мы должны. Мы только отрицаемъ тотъ методъ, который, изъ желанія сдѣлать эту цѣль вѣчной и абсолютной, стремится опредѣлить эту цѣль, независимо отъ опыта, изъ

существа чистаго разума. Для того, чтобы найти цѣль всѣхъ цѣлей, основу всѣхъ нашихъ желаній и обязанностей, нуженъ просто тотъ же самый методъ, которымъ мы пользуемся во всякой наукѣ для того, чтобы сдѣлать общіе выводы изъ частнаго. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія считать нашу волю чѣмъ-либо инымъ, кромѣ простого явленія природы.

Но если мы хотимъ такимъ образомъ отыскать конечную цѣль нашей дѣятельности, нашихъ желаній и нашихъ обязанностей, то мы не должны ограничивать нашего изслѣдованія только людьми; мы должны прежде всего отказаться отъ выдѣленія человѣка изъ остальной природы, какъ существа желающаго и ставящаго себѣ цѣли; такое выдѣленіе является отличительнымъ признакомъ всякаго кантіанства, даже наименѣе вульгарнаго. Мы не должны въ такомъ случаѣ разсматривать человѣка одного, но вмѣстѣ со всѣми желающими и ставящими себѣ цѣли существами, какія мы только знаемъ,—слѣдовательно, со всѣми одаренными способностью собственнаго движенія и сознаніемъ.

Но въ такомъ случаѣ мы видимъ, что цѣль всей жизни этихъ существъ, которой должны служить всякія другія цѣли, есть *сама жизнь*. Она, а не всеобщее законодательство является высшей изъ всѣхъ цѣлей. Эта цѣль исходитъ изъ самой жизни, неразрывно съ нею связана и не нуждается ни въ какомъ чистомъ разумѣ для своего возникновенія.

Жизнь одаренныхъ собственнымъ движеніемъ существъ, то-есть животныхъ, нуждается для своего поддержанія только все въ тѣхъ же опредѣленныхъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ, которыя служатъ цѣли этого поддержанія, предполагающаго желаніе жить. Живое, движущееся существо, которое не обладаетъ этимъ желаніемъ и не ставитъ себѣ этой цѣли, просто не можетъ жить. Съ жизнью и собственнымъ движеніемъ возникаетъ также и воля къ жизни, цѣль жизни; эта воля и эта цѣль суть часть жизни. Воля не есть свободная, безпричинная воля, создающая самое себя, она является продуктомъ тѣхъ самыхъ факторовъ, которые создали жизнь, и не болѣе таинственна, чѣмъ сама жизнь, самъ «механизмъ природы».

Цѣль требуетъ средствъ для своего достиженія; но чѣмъ выше развито живое существо, тѣмъ разнообразнѣе средства, въ которыхъ оно нуждается для достиженія своей высшей цѣли—жизни, тѣмъ болѣе эти средства нуждаются для своего достиженія и примѣненія въ другихъ средствахъ, такъ что одни являются цѣлями по отношенію къ другимъ. Такимъ образомъ, общая конечная цѣль все болѣе раздѣляется на частныя цѣли, все дальше и дальше отдаляющіяся отъ нея и связывающіяся съ нею все большимъ числомъ посредствующихъ звеньевъ, такъ что связь эту становится все труднѣе угадать. Но не только это. Діалектика развитія ведетъ къ

тому, чтобы изъ конечной цѣли поддержанія жизни индивидуума въ концѣ-концовъ возникли цѣли, могущія повести къ стѣсненію и даже отдачѣ своей жизни. Материнская любовь, напримѣръ, можетъ вызвать въ матери желаніе пожертвовать своей жизнью, чтобы спасти своихъ дѣтей. Общество создаетъ индивидууму цѣли въ видѣ обязанностей, которыя опредѣляютъ его волю и могутъ повести даже къ пожертвованію имъ своей жизнью за соихъ товарищей и единомышленниковъ. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ мы тоже найдемъ конечную цѣль поддержанія жизни индивидуума, если взглянемъ на вещи въ болѣе широкой зависимости. Та же материнская любовь, которая приноситъ смерть живому существу какъ матери, поддерживаетъ жизнь тому же самому индивидууму, пока онъ находится въ состояніи дѣтства. То же самое общество, которое сегодня налагаетъ на меня обязанности, могущія повести къ пожертвованію моей жизнью, доставляетъ мнѣ возможность существовать только благодаря тому, что оно налагаетъ эти же обязанности на другихъ. Что здѣсь выступаетъ какъ обязанность, проявляется тамъ въ видѣ права; что здѣсь выступаетъ желаемымъ самопожертвованіемъ, проявляется тамъ желаемымъ спасеніемъ жизни.

Но развитіе живого, одареннаго собственнымъ движеніемъ существа ведетъ не только къ тому, что

возникающія для индивидуума цѣли и средства становятся все разнообразнѣе и даже, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, все противорѣчивѣе, но также и къ тому, что все умножаются случаи, когда передъ нимъ одновременно возникаютъ различныя цѣли и средства, часто самаго противорѣчиваго рода, такъ что его желанія и поступки совершенно не въ состояніи удовлетворять имъ всѣмъ.

Гдѣ организмы въ высшей степени просты, а также и обстановка, въ которой они живутъ, постоянно остается одна и та же, тамъ и представляющіяся индивидуму цѣли и средства тоже остаются очень однообразными; иногда же жизнь ставитъ передъ индивидуумомъ только *одну* опредѣленную цѣль, и въ его распоряженіи имѣется только *одно* опредѣленное средство для ея достиженія. Въ такихъ случаяхъ движеніе индивидуума для достиженія цѣли можетъ происходить и безъ вмѣшательства сознанія. Даже у самыхъ развитыхъ животныхъ, у людей, очень большая часть ихъ движеній совершается еще подобнымъ образомъ.

Но чѣмъ выше развитъ организмъ, чѣмъ разнообразнѣе его органы, а слѣдовательно, разностороннѣе и возможность вліянія на него окружающаго міра, тѣмъ чаще бываютъ случаи, что жизнь ставитъ разнообразныя и противорѣчивыя цѣли и средства, между которыми нужно сдѣлать выборъ, что возможно только посредствомъ мышленія. Мышленіе

рѣшаетъ въ такихъ случаяхъ, которыя изъ представляющихся мнѣ цѣлей и средствъ должны опредѣлять мое хотѣніе и мою дѣятельность. Эта дѣятельность свободна, если ее сравнить съ тѣми дѣйствіями, въ которыхъ индивидууму нѣтъ выбора, потому что жизнь поставила передъ нимъ только *одну* цѣль и только *одно* средство для достиженія этой цѣли. Но она несвободна въ томъ смыслѣ, что она небезпричинна. Разумъ выдвигаетъ передъ человѣкомъ цѣли не изъ себя самого, чтобы располагать ихъ по какой-то особенной, внутренней закономѣрности, но цѣли эти съ естественной необходимостью производятся данными условіями—окружающимъ міромъ и организмомъ индивидуума. Точно такъ же необходимъ и выборъ между ними, который, разумѣется, зависитъ отъ сознанія человѣка; но это сознаніе опредѣляется не только родомъ познавательной способности, но также и всей совокупностью опыта, который въ свою очередь тоже можетъ быть не только личнымъ, но, на ряду съ этимъ послѣднимъ, и пріобрѣтеннымъ отъ другихъ, собраннымъ, урегулированнымъ и переданнымъ индивидууму, а именно, *наукой*.

Чѣмъ больше понимаю я зависимость одного отъ другого въ жизни и въ мірѣ, тѣмъ цѣлесообразнѣе выберу я средства, предоставляющіяся въ мое распоряженіе для достиженія моихъ цѣлей, тѣмъ въ большемъ согласіи съ конечной цѣлью будутъ и тѣ

частныя цѣли, которыя я выберу себѣ для руководства моей дѣятельностью, тѣмъ разумнѣе будетъ мое хотѣніе, тѣмъ яснѣе сознаніе, тѣмъ опредѣленнѣе и рѣшительнѣе будетъ выполненіе моего долга.

Конечно, какъ и всякое сознаніе, такъ и сознаніе моего долга будетъ только условнымъ, относительнымъ. Но чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Наше сознаніе долга не является чѣмъ-то сверхъестественнымъ, наши обязанности составляютъ только часть этого міра, въ которомъ нѣтъ ничего абсолютнаго, безусловнаго. Всякая попытка открыть абсолютный нравственный законъ, выдѣлить изъ чистаго разума универсальное цѣлительное средство для всѣхъ этическихъ конфликтовъ и болѣзней души представляетъ собой только неопредѣленное, туманное общее мѣсто и отклоняетъ отъ единственнаго пути настолько вѣрно обосновать нашу волю и наши обязанности, насколько это вообще возможно при современномъ состояніи нашего знанія,—отклоняетъ отъ единственнаго пути умноженія и прояснения нашего научнаго опыта. Только все огромное богатство науки еще въ всостояніи до нѣкоторой степени дать намъ надежнаго руководителя въ той запутанной чащѣ всей массы цѣлей и средствъ, которыя предлагаетъ жизнь современному культурному человѣку. Одна же маленькая формула совершенно не въ состояніи этого сдѣлать.

То же самое можно сказать и о соціализмѣ. Кого

вся практика классовой борьбы вмѣстѣ съ научнымъ познаніемъ законовъ движенія и развитія капиталистическаго общества не могли сдѣлать соціалистомъ, кто еще медлитъ и колеблется и остается скептикомъ, тому и критерій приспособляемости ко всеобщему законодательству не придастъ рѣшимости и ясности. И отъ такого человѣка мы легко можемъ отказаться.

Отто Бауэръ привелъ практическія соображенія, которыя должны говорить за кантовскій категорическій императивъ. Практическія соображенія не должны опредѣлять нашего сознанія, но даже и эти практическія соображенія постепенно все исчезаютъ въ теченіе его статьи. Онъ самъ соглашается, что развитіе классовыхъ противорѣчій все болѣе раздѣляетъ культурное человѣчество на два большихъ военныхъ лагеря, и какъ тутъ, такъ и тамъ воля и обязанности все яснѣе и рѣшительнѣе опредѣляются экономическими противоположностями. Только для какихъ-то нѣсколькихъ «этическихъ скептиковъ», которые не являются ни марксистами, ни кантіанцами, ни чѣмъ-либо инымъ, намъ и нуженъ еще кантовскій категорическій императивъ. Этотъ императивъ, который долженъ бы управлять цѣлымъ міромъ, получаетъ теперь сомнительную и очень жалкую задачу внушить чувство обязанности и опредѣленность нѣсколькимъ образованнымъ юношамъ, которые подыскиваютъ для своего безволія и спу-

танности или для своего тщеславія и безсилія нѣсколько болѣе или менѣе подходящихъ выраженій у Ницше.

Въ самомъ дѣлѣ, практическія задачи категорическаго императива еще менѣе доказываютъ его необходимость, чѣмъ его теоретическое обоснованіе.

На практикѣ классовой борьбы и научномъ изслѣдованіи капитализма,—на рабочихъ и на наукѣ,—соціалъ-демократія до сихъ поръ побѣдоносно строила и свою волю и свои нравственныя обязанности. И на будущее время она вполнѣ можетъ отказаться отъ всякой помощи разныхъ чистыхъ духовъ, которую ей обѣщаютъ изъ лучшаго потусторонняго міра чистаго разума.

Книгоиздательство „КОММУНИСТЪ".

МОСКВА: 1) Срѣтенка, домъ 8 (уг. Рыбникова пер.).
2) 2-ой домъ Совѣтовъ (Театральная площадь).
ПЕТРОГРАДЪ: 1) Поварской пер., 2, кв. 9 и 10.
2) Литейный проспектъ, 48.

Кн. 1. **И. П. Покровскій.** Государственный бюджетъ Россіи за послѣднія 10 лѣтъ. Ц. 2 р.

Кн. 2. **Исторія соціализма.** Въ монографіяхъ К. Каутскаго, П. Лафарга, К. Гуго и Э. Бернштейна. Пер. Е. и И. Леонтьевыхъ. За обѣ части 6 р.

Кн. 3. **М. С. Александровъ.** Государство, бюрократія и абсолютизмъ въ исторіи Россіи. Ц. 7 р.

Кн. 7. **Петръ Масловъ.** Исторія народнаго хозяйства. Ц. 3 р.

Кн. 8. **А. М. Коллонтай.** Общество и материнство. Государств. страхованіе материнства. Ц. 4 р.

Кн. 10. **А. Деборинъ.** Введеніе въ философію діалектическаго матеріализма. Съ пред. Г. В. Плеханова. Ц. 4 р.

Кн. 11. **Вл. Кранихфельдъ.** Въ мірѣ идей и образовъ. Ц. 3 р. 50 к.

Кн. 12. **Мих. Невѣдомскій.** Зачинатели и продолжатели. Ц. 3 р. 50 к.

Кн. 13. **С. Т. Семеновъ.** Двадцать пять лѣтъ въ деревнѣ. Ц. 3 р.

Кн. 14. **Влад. Бончъ-Бруевичъ.** Духоборцы въ канадскихъ преріяхъ. Ц. 3 р.

Кн. 15. **Влад. Бончъ-Бруевичъ.** Къ исторіи русскаго духоборчества. Ц. 3 р.

Кн. 16. **Влад. Бончъ-Бруевичъ.** Новый Израиль. Ц. 3 р.

Кн. 17. **Вл. Бончъ-Бруевичъ.** Среди сектантовъ. Ц. 3 р.

Кн. 18. **Влад. Бончъ-Бруевичъ.** Изъ міра сектантовъ. Ц. 3 р.

Кн. 19. **Фр. Энгельсъ.** Положеніе рабочаго класса въ Англіи. Переводъ съ нѣмецкаго И. и Е. Леонтьевыхъ. Ц. 3 р.

Кн. 20. **Прудонъ.** Что такое собственность. Пер. съ нѣмецкаго И. и Е. Леонтьевыхъ. Ц. 3 р.

Кн. 21. **Письма Ферд. Лассаля** къ К. Марксу и Ф. Энгельсу. Съ прим. и прил. Ф. Меринга. Ц. 2 р.

Кн. 22. **Ю. Каменевъ.** Объ А. И. Герценѣ и М. Г. Чернышевскомъ. Ц. 1 р. 50 к.

Кн. 23. **Б. Авиловъ.** Настоящее и будущее народнаго хозяйства Россіи. Ц. 1 р. 25 к.

Книгоиздательство „КОММУНИСТЪ".

МОСКВА: 1) Срѣтенка, домъ 8 (уг. Рыбникова пер.).
2) 2-ой домъ Совѣтовъ (Театральная площадь).

ПЕТРОГРАДЪ: 1) Поварской пер., 2, кв. 9 и 10.
2) Литейный проспектъ, 48.

Кн. 24. **К. Тахтаревъ.** Соціологія, какъ наука. 2-е изд. Ц. 3 р.

Кн. 25. **Ю. Каменевъ.** Экономическая система имперіализма. Ц. 1 р. 50 к.

Кн. 26. **К. Марксъ и Фр. Энгельсъ.** Манифестъ коммунистической партіи. Ц. 1 р.

Кн. 27. **В. П. Милютинъ.** Рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ Россіи. Ц. 1 р. 50 к.

Кн. 28. **В. П. Милютинъ.** Сельско-хозяйственные рабочіе и война. Ц. 3 р.

Кн. 30. **Подъ старымъ знаменемъ.** Сборникъ статей. Ц. 1 р. 50 к.

Кн. 31. **С. О. Загорскій.** Война послѣ мира. Ц. 5 р.

Кн. 32. **Ж. Гедъ и П. Лафаргъ.** Программа рабочей партіи, ея основанія и комментаріи къ ней. Ц. 1 р. 50 к.

Кн. 33. **И. В. Чернышевъ.** Крестьяне объ общинѣ. Ц. 2 р.

Кн. 34. **И. В. Чернышевъ.** Памятная книжка марксиста. Ц. 4 р.

Кн. 35. **И. В. Чернышевъ.** Исторія общины въ Россіи. Ц. 4 р.

Кн. 36. **В. Д. Бончъ-Бруевичъ.** Волненія въ войскахъ и военныя тюрьмы. Ц. 3 р.

Кн. 37. **Вл. Ильинъ (Ленинъ).** Аграрная программа соціалъ-демократіи въ первой русской революціи 1905—1917 гг. Ц. 4 р.

Кн. 38. **Вл. Ильинъ (Ленинъ).** Изъ исторіи соц.-дем. аграрной программы. (Ст. 1901—1906 гг.). Ц. 1 р. 75 к.

Кн. 39. **Вл. Ильинъ (Ленинъ).** Новыя данныя о законахъ развитія капитализма. (Соединенные Штаты). Ц. 3 р.

Кн. 40. **Вл. Ильинъ (Ленинъ).** О государствѣ. (Печат.).

Кн. 41. **Вл. Ильинъ (Ленинъ).** Имперіализмъ, какъ новѣйшій этапъ капитализма. 2-ое дополн. и исправленное изд. Ц. 2 р.

Кн. 42. **Н. Крупская.** Народное образованіе и демократія. Ц. 2 р.

Книжный складъ „КОММУНИСТЪ“.

МОСКВА; 1) Срѣтенка, д. 8 (уг. Рыбникова переулка).
2) 2-й домъ Совѣтовъ (Театральная площадь).

ПЕТРОГРАДЪ: 1) Поварской пер., 2, кв. 9 и 10.
2) Литейный проспектъ, 48.

Сочиненія А. М. Ѳедорова.

	Цѣна.		Цѣна.
Весенній вѣтеръ.	2 р. — к.	Сила крови.	2 р. — к.
Утро	2 › — ›	Подвигъ	2 › — ›
Паутина	2 › — ›	На востокъ.	2 › — ›
Камни.	2 › — ›	Стихотворенія.	2 › — ›

Собраніе сочиненій Н. Ф. Олигера.

Томъ шестой. Сибирь. . .	2 р. — к.	Томъ десят. Обреченные .	7 р. — к
Томъ седьм. Опасные люди.	2 › — ›	Томъ одиннадцатый. Банкротъ	3 › — ›
Томъ восьмой. Принцесса.	2 › — ›	Томъ двѣнадцат. Пустыня.	3 › — ›
Томъ девят. Ночныя тѣни.	2 › — ›		

Сочиненія А. Нѣмоевскаго.

Заглавіе конфисковано. .	2 р. — к.	Ашуръ и Муцуръ	2 р. — к.
Сократъ	2 › — ›	Листопадъ	1 › 50 ›

Книги Владимира Бончъ-Бруевича.

Знаменіе времени. (Убійство Андрея Ющинскаго и дѣло Бейлиса). . . .	2 р. — к.	Кровавый набѣгъ на христіанъ.	1 р. 75 к.
Духоборцы въ канадскихъ преріяхъ.	4 › — ›	Среди сектантовъ. . . .	4 › — ›
Къ исторіи русскаго духоборчества	4 › — ›	Изъ міра сектантовъ. . .	4 › — ›
Новый Израиль	4 › — ›	Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и старообрядчества, т. I—3 р.; т. II—3 р.; т. III—3 р.; т. IV—7 р.; т. V—6 р.; т. VII—10 р.
Волненія въ войскахъ и военныя тюрьмы . . .	3 › — ›		

Избранныя произведенія русской поэзіи.

Сборникъ лучшихъ стихотвореній отъ Пушкина и до нашихъ дней. Въ сборникъ вошли 823 произведенія 232 авторовъ. 5-е изд. Цѣна 3 руб.

Родныя пѣсни. Цѣна 1 руб. 20 коп.

В. В. Брусянинъ. Часъ смертный.	2 р. 25 к.	И. С. Абрамовъ. Въ культурномъ скиту, ...	1 р. 60 к.
Вл. Кранихфельдъ. Т. Г. Шевченко, пѣвецъ Украины.	1 › 60 ›	Байронъ. Манфредъ.—Небо и земля.—Каинъ. (Перев. И. А. Бунина)	2 › — ›

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„КОММУНИСТЪ“.

МОСКВА: 1) Срѣтенка, домъ 8 (уг. Рыбникова пер.).
2) 2-ой домъ Совѣтовъ (Театральная площадь).
ПЕТРОГРАДЪ: 1) Поварской пер., 2, кв. 9 и 10.
2) Литейный проспектъ, 48.

Отдѣлъ подъ общимъ завѣдываніемъ

И. Степанова,

при участіи: **Н. Бухарина, П. Дауге, Г. Зиновьева, Ю. Каменева, Н. Ленина, Н. Лукина, А. Луначарскаго, Н. Мещерякова, В. Оболенскаго, М. Ольминскаго, В. Орловскаго, М. Покровскаго, В. Смирнова, Ю. Стеклова** и др.

К. МАРКСЪ. Собраніе сочиненій. Юбилейное изд.

Все изданіе—близкое къ полному собранію сочиненій—составитъ до 25 томовъ по 25—30 листовъ (400—500 стр.) большого формата. Въ это юбилейное изданіе войдутъ какъ всѣ работы, появившіяся до сихъ поръ въ Германіи и Англіи отдѣльными изданіями, такъ и работы, разсѣянныя по разнымъ періодическимъ изданіямъ.

Въ настоящее время печатаются: **„Теоріи прибавочной стоимости“** въ переводѣ Н. И. Бухарина; **„Капиталъ“** и дополненное изданіе **„Собранія историческихъ работъ“**, въ переводахъ подъ ред. В. Базарова и И. Степанова, вновь пересмотрѣнныхъ И. Степановымъ.

Ф. ЭНГЕЛЬСЪ. Собраніе сочиненій.

Намѣчены три тома большого формата, по 25—30 листовъ каждый. Въ „Собраніе“ войдутъ какъ работы, появлявшіяся отдѣльными изданіями, такъ и журнальныя статьи Энгельса.